

РОЛЬ РАМОЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОЗИМЕТРИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА КНИГИ И. КОНЕВСКОГО «МЕЧТЫ И ДУМЫ»

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются композиционные функции рамочных компонентов единственного прижизненного сборника И. Коневского «Мечты и думы». Показано, как прозиметрический характер эпиграфов, посвящений, дат формирует ритмическое и смысловое единство текста книги, составленной из стихов и прозы.

SUMMARY: In article we analyze composition functions of frame components in book «Dreams and dumas», written by I. Konevskoy, which was the only one edition in life of author. We show how prosimetrical character of epigraphs, dedications and dates formed rhythmic and sensual union of text of the book made in verses and prose.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эпиграф, посвящения, даты, рамочные компоненты, прозиметрия.

KEY WORDS: epigraph, dedications, dates, frame components, prosimetria.

Книга И. Коневского «Мечты и думы» представляет собой целостный текст, фрагментами которого служат поэтические и прозаические произведения. В системе композиционных приемов, направленных на формирование целостности книги, особую роль играют прозиметрические компоненты, обычно отмеченные на границе стиха и прозы. К ним относятся рамочные компоненты текстов: прозаические эпиграфы, посвящения, указания на место и дату написания способствуют появлению дополнительных стыков между стихом и прозой.

У Коневского эпиграфы делятся на поэтические и прозаические. Большинство стихотворений имеют поэтические эпиграфы, как, например, в стихотворении «Вариации на «Поминки» Кольцова». Имеется в виду стихотворение Кольцова «Поминки» (1840), написанное в связи со смертью Н. В. Станкевича. В эпиграфе Коневской меняет строфику, пунктуацию, при этом изменяется интонация этого стихотворения:

Давайте веселья,
Давайте печаль.
Давно уж не манит
Волшебница-даль.<...> [Коневской, 2000:172].
Следует сравнить с оригиналом:
Давайте веселья!
Давайте печаль!
Давно уж не манит
Волшебница даль!<...> [Коневской, 2000:521].

Но стихотворение самого Коневского совпадает с эпиграфом ритмически — «Дава`йтевесе`лья, Дава`йтепеча`ль» и «Мы мно`гопо`няли, мно`гопрошл`и» — амфибрахий.

Для своих стихов Коневской избирает эпиграфами произведения тех поэтов, которые ему дороги и которые повлияли на его литературное мировоззрение. К ним относятся Ф. Тютчев, А. Кольцов (большая часть произведений имеет эпиграфы из стихотворений этого поэта), А. Фет, Н. Некрасов, А. Пушкин, Е. Баратынский.

Прозаические эпиграфы составляют такие произведения, чьи авторы рассматривались Коневским в очерках и заметках. Стихотворение «По дням» с эпиграфом из романа Достоевского «Братья Карамазовы» (Книга шестая. Из бесед и поучений старца Зосимы): «Други мои, просите у Бога веселия. Будьте веселы, как дети, как птички небесные». Эпиграф указывает на тему следующего за ним текста.

Свет не яркий, но ясный.
Час, отмеченный вознесеньем Христовым!
Вот таких-то часов мы и алчем, и жаждем,
Как предвкусья горней отрады.
Ловим проблески их, упиваемся тайной,
Тайной ясной, полной улады.
Занавесимте окна в сияющий полдень,
Заведем веселые речи;
Тут и в свете, и в слове нам скажутся духи,
Радости беспредельной предтечи [Коневской, 2000: 56].

Эпиграф из романа Достоевского и стихотворение «По дням» ритмически соотнесены, хотя эпиграф является прозаическим текстом. «Дру`гимо`и, (дактиль) про`сите` у Бо`гаве`сели`я (амфибрахий)»; «Е`сть не то`лькота`йныза`ката`...» — трехстопный анапест с усечением слога во второй стопе. Стирание границ между стихом и прозой — это характерное для творчества Коневского явление.

То же и в стихотворении в прозе «Вечер юга», здесь эпиграф из повести «Рим» Гоголя: «Голубые, фосфорные горы». Коневской несколько изменил слова, в повести — «...еще голубее и фосфорнее стали горы». Для Коневского важно, что горы не становятся такими, а уже есть такие, важно их постоянство, именно в этом увиденном им мгновении. Но и превращение прозаического текста в строку пятистопного хорея не менее важно, так как очерк написан метризованной прозой: «Солнце, низложенное со своего престола, опускается за горы. И вещие эти горы на которые оно воссело, представляют сначала в темно-голубых, лиловых тканях» [Коневской, 2000: 63].

Эпиграфы у Коневского, и прозаические, и поэтические, не случайны. Они формируют единство и целостность текста книги.

Значимыми компонентами текста становятся посвящения, которые соотносятся с текстом тематически. Например, написанное в жанре послания стихотворение «Александру Билибину» обладает диалогичностью, которая появляется благодаря эпиграфу. Эпиграф из стихотворения А. Б. (подразумевается А. Билибин) написан четырехстопным хореем с женской рифмой «Не` могу` снести`нево`ли / Я` хочу`изве`датьго`ре». В ответ автор пишет трехстопным хо-

реем с чередованием мужской и женской рифмы «За`ломи`вшили`хо / ша`пкуна`бекре`нь». Таким образом, состоится диалог между автором и его собеседником.

Из раздела «Мельком — В келье и в поле» стихотворение «В огне заката» посвящено В. А. Гильтебрандту. В посвящении полностью прописана фамилия, имя двумя первыми буквами и отчество одной буквой. Ритмически посвящение соответствует схеме двустопного дактиля с укороченной второй стопой — размера, который преобладает в тексте стихотворения: «За`ревомя`рым / не`бозали`то...». Трудно сказать, насколько случайно начало посвящения образует анаграмму «ВЛАГИ». Но тем не менее фонетически имя перекликается с текстом стихотворения. Тематика также связана с именем адресата: в стихотворении говорится о жажде откровения горнего мира и горнего света: «Пусть отодвинул ты в вечность с горним светом свиданье — Был ты и будешь знаменьем новой ступени» [Коневской, 2000: 89].

В произведениях И. Коневского прослеживается синтез стиха и прозы, искусства и жизни, который ярко выражен в посвящениях.

Если посмотреть на время и место написания произведений, то мы вправе говорить о дневниковости книги «Мечты и думы». Но дата выполняет и важную композиционную функцию.

Стихотворение «Сын солнца» разделено на пять частей, каждая из которых имеет свою датировку. У Коневского в этом стихотворении части не распределены в хронологическом порядке, что создает особую композицию текста. Четвертая часть «Starres Ich» написана Коневским раньше, чем первая, 16-17 августа 1896 года, Михайловское. Такая дата может указывать как на ее фиктивность, так и реальность, она может быть и приблизительной, и точной.

Если рассматривать в хронологическом порядке эти части, то следующей будет третья часть «Снаряды», которая имеет дату 30 августа 1896 года Нижний Новгород (Машинный отдел). Дата может ставиться автором во время написания стихотворения или при публикации текста. Эта часть впервые была опубликована в «Книжках недели» в ноябре 1896 году. Дата интересна тем, что носит уточняющий характер — Машинный отдел выставки. Вторая «Средь волн» и пятая «От солнца к солнцу» части писались уже в Петрограде. Вторая часть написана 6 ноября 1896, а пятая — 19-20 ноября 1896.

Дата входит в состав композиции текста и играет немаловажную смыслообразующую роль. Композиция цикла «Сын солнца» строится на тематике ее частей. Первая часть «Рост и отрада» отсылает нас к мифам о солнце. В этой части лирический герой познает мир через природу:

«Постиг он жизни детской хоровод» [Коневской, 2000: 45].

В стихотворении мы видим то же, что и в мифе о боге солнца Ра: «К нам выплыл он пытателем в ладье», то есть, как и в мифе, лирический герой (сын солнца — он) думает о цикличности времени, о смерти и возрождении.

Во второй части лирический герой (он), спускается в подземное царство — царство небытия, а после возвращался в солнечную страну победителем:

И плавал он в сверкающих волнах,
И говорил: вода — моя стихия!
Нырять в зыби, в хляби те глухие,
Как тешился он в мутных глубинах!<...>
Опять всплывал, как божества морские,
В сознании ясном, в солнечных странах [Конеvской, 2000: 45].
Здесь происходит встреча «я» с «ним» (сыном солнца):
Я ослеплен и одурен метался.
Его же прояснял тот водный блеск:
Дух в лучезарных взрывах разрастался [Конеvской, 2000: 46].

Третья часть «Снаряды» и пятая «От солнца к солнцу» образуют антитезу, благодаря этим частям завязывается конфликт. В стихотворении «Снаряды» лирический герой постигает жизнь через цивилизацию, интеллектуальные забавы в противовес сыну солнца:

Здесь весь наш мир, здесь рок неумолимый,
Каким-то жаром внутренним палимый,
В снарядах дивных предо мной живет.

В четвертой части «Starres Ich» лирический герой уходит в небытие, то есть погружается в стихию:

Нет, не ликуй, коварная стихия!
Я — человек, ты — бытия причина,
Но мне святыня — целый мой состав.
Пусть мир сулит безличия пустыня —
Стоит и в смерти стойкая твердыня,
Мой лик, стихии той себя не сдав. [Конеvской, 2000: 47].

И в пятой части происходит разрешение конфликта между «я» и «он». Сын солнца возрождается для игр, забав, что отсылает нас к первой части. Лирическое «я», не сломленное стихией, продолжает познавать мир через цивилизацию, интеллектуально:

...Я погружался взором робко-жадным,
Но не сломил я свой строптивый нрав.
От наших светов призван оторваться,
Под новым солнцем будет наливаться
Дух вечнообновимый, как прилив [Конеvской, 2000: 47].

Таким образом, можно говорить о цикличности стихотворения и о конфликте, который сформирован соотношением датировок. Даты выполняют ритмообразующую функцию. Для Коневского была важна дата как указание на хронологию событий его жизни, поэтому книга воспринимается как дневник. При этом дата участвует в формировании смыслового пространства отдельных стихотворений и циклов.

Итак, рамочные компоненты выполняют обычно несвойственную им функцию: они способствуют созданию единого стихотворно-прозаического текста книги Ивана Коневского «Мечты и думы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дарвин М. Н. Поэтика лирического цикла («Сумерки» Е. А. Баратынского). Кемерово: КемГУ, 1987. 52 с.
2. Карлы И. Э. Роль авторской датировки в лирическом стихотворении [Электронный ресурс]: Известия УРГУ № 1(72), 2010. Гуманитарные науки. URL: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0072\(01_\\$01-2010\)&xsl=showArticle.xslt&id=a05&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0072(01_$01-2010)&xsl=showArticle.xslt&id=a05&doc=../content.jsp).
3. Коневской И. И. Мечты и думы. Томск: Водолей, 2000. 640 с.
4. Лавров А. В. Русские писатели, 1800–1917. М.: Просвещение, 1994. Т. 3. 618 с.
5. Минц З. Г. Поэтика даты и ранняя лирика А.Блока [Электронный ресурс]: Блок и русский символизм: Избранные труды: В 3 кн. СПб.: Искусство, 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. С. 175–189. URL: <http://www.ruthenia.ru/mints/papers/poetika.html>
6. Мирошникова О. Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение (материалы международной конференции, 15–17 ноября 2001). М.: Переделкино РГГУ, 2003. 268 с.
7. Нечепорук Е. И. «О слово вещее, слово-сила...» // Иван Коневской (Ореус) Мечты и думы / под.ред. Е. Кольчужкина Томск: Водолей, 2000. 640 с.
8. Пекка Тамми. Поэтика даты у Набокова // Старое литературное обозрение, 2001. № 1 (277).
9. Ханзен-Лёве А. Русский символизм: Система поэтических мотивов: Ранний символизм. СПб.: Академический проект, 1999. 511 с.